

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОРМ О ПОДЛОЖНОСТИ СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются основные источники российского права, начиная со времен Русской правды и заканчивая действующими АПК и ГПК РФ, на предмет содержания норм о подложности судебного доказательства. Устанавливается закономерность между процессом усиления роли письменных доказательств и изменениями в регламентации вопросов, связанных с их достоверностью (подложностью). Отмечается, что детальная разработка норм о подложности судебного доказательства приходится на середину XIX века, в связи с принятием Устава гражданского судопроизводства 1864 года. Высказывается мнение о необходимости внесения изменений в действующие АПК и ГПК РФ, поскольку существующая законодательная регламентация вопросов подложности (фальсификации) судебных доказательств не обеспечивает всех потребностей правоприменительной практики.

Ключевые слова: юриспруденция, фальсификация, подлог, спор о подлоге, спор по сомнению в подлинности, Русская правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., Устав гражданского судопроизводства 1864 г., ГПК РСФСР.

Каждое явление правовой действительности проходит определенный исторический путь развития, рассмотрение которого имеет важное значение для понимания сущности явления.

Несмотря на то, что законы, карающие за подлог письменных документов, были известны еще древнеримскому праву¹, в отечественной истории на протяжении длительного периода времени не встречается ни одного упоминания о подложных доказательствах.

Судебными доказательствами со времен Русской правды вплоть до начала XV в. являлись: 1) собственное признание; 2) признаки нарушения прав (побои, раны и пр.); 3) показания свидетелей; 4) суды Божьи — ордалии (испытание железом и водою, присяга, судебный поединок, жребий)², поэтому в древнерусском

судопроизводстве, которое к тому же не знало деления на гражданский и уголовный процесс, господствовало суеверие, свойственное народам, находящимся на низкой ступени развития³. Всякий иск и обвинения считались первоначально справедливыми, показания истца признавались несомненно верными, особенно если они сопровождалась очевидными признаками нарушения права. «Такое доверие показаниям истца, — писал С. Пахман, — объясняется 1) первоначальной чистотой нравов и господством взаимного доверия, как преобладающими чертами родового быта; 2) тем, что если кто-либо решился взвести на другого несправедливый иск или ложное обвинение, то подвергся бы бесчестию и позору, падавшим на весь род, к которому принадлежал истец; наконец 3) тем, что при гласности и публичности древнейшей судебной расправы, произ-

¹ Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография. СПб., 2009. С. 435.

² См.: О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в исто-

рическом их развитии: Рассуждение Семена Пахмана. М., 1851. С. 36.

³ См.: Там же. С. 3.

© Ершова Наталья Владимировна

* Аспирантка кафедры Гражданского процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), юрисконсульт ООО «Аэродром Трансстрой» [pn213@mail.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

водившейся открыто, пред лицом всего общества, не легко могла укрыться ложность иска или обвинения»⁴. Указанные автором обстоятельства значительным образом препятствовали появлению подложных доказательств в древнерусском судопроизводстве. Более того, система судебных доказательств Древней Руси указывает на отсутствие потенциального предмета фальсификации, т.е. того вида доказательства, которое хотя бы теоретически могло быть сфальсифицировано.

По мере разложения родоплеменного строя, укрепления государственности, развития торговли и товарно-денежных отношений система судопроизводства и судебных доказательств подвергаются существенным изменениям. Новым видом доказательства становятся письменные акты, которые согласно Новгородской судной грамоте 1471 г. именовались управами⁵, а согласно Псковской судной грамоте 1467 г. — досками, записями⁶. Здесь же впервые обнаруживает себя проблема подлинности письменных актов: «А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить»⁷. По мнению И.Д. Мартысевича, указанная статья предписывала князю и посаднику не отвергать на суде различного рода документы, подлинность которых не вызывала сомнения. Суд должен был признавать недействительными только подложные грамоты, доски⁸.

Псковская судная грамота напрямую не говорит о возможности заявления спора о подложности доказательства, но указывает на случаи столкновения письменных доказательств, например, в спорах о лесных земельных участках, когда обе стороны представляли в суд письменные доказательства своих прав. Несмотря на то, что законом предписывалось решать данный спор путем привлечения посредников — межников, которые назначались из состава суда и должны были установить границу владений спорящих субъектов, на практике судья требовал показаний знающих людей, и дело решалось по показанию общей правды, в лице старца; или же для подтверждения действительности грамот призывались

свидетели и даже требовалась присяга⁹. Не сложно заметить, что все перечисленные выше меры были направлены не на что иное, как на установление достоверности представленного в суд письменного доказательства (грамоты). Таким образом, первое упоминание о подложных доказательствах в истории отечественного судопроизводства мы находим в источниках права XV в.

Развитие гражданских правоотношений приводит к усилению роли письменных доказательств в гражданском судопроизводстве, в связи с чем в нормативно-правовых актах вопросы достоверности судебного доказательства получают более детальную разработку. Но если в Судебниках 1497 и 1550 гг. основное внимание уделялось борьбе с должностными подлогами, то в Соборном уложении 1649 г. мы находим комплекс мер, направленных на обеспечение достоверности письменного доказательства как таковой. К ним, в частности, относились гражданско-правовые нормы, устанавливающие определенный порядок оформления письменных актов¹⁰, а также нормы, направленные на выявление и пресечение фальсификации письменных документов¹¹. Необоснованные заявления о подложности письменного доказательства наказывались взысканием суммы иска в двойном размере.

Наивысшую степень законодательной регламентации вопросы подложности письменного акта — судебного доказательства получили в отделении 4-й главы 9-й книги II Устава гражданского судопроизводства 1864 г. Спор о достоверности (подложности) письменного акта согласно нормам Устава мог проходить в двух формах: в форме спора по сомнению в подлинности акта либо в форме спора о под-

⁹ Пахман Семен. Рассуждения о судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 206.

¹⁰ Статья 246 главы X Соборного уложения содержала обязательные требования, предъявляемые к оформлению таких письменных документов, как кабала и крепость, которые должны были составляться площадными подьячими, подписываться собственноручно сторонами (а при неграмотности стороны ее доверенным лицом) и в послухах (свидетелях) иметь пять – шесть человек при больших суммах и два – три свидетеля при небольших суммах, но не меньше двух.

¹¹ Согласно ст. 251 главы X Уложения, составление подложной заемной кабалы или крепости каралось суровым наказанием: лица, инициировавшие составление подложного документа, подвергались публично-му биению кнутом, после чего сажались на полгода в тюрьму, аналогичное наказание устанавливалось и для свидетелей, удостоверивших поддельный документ; площадным подьячим, писавшим такие крепости и кабалы, отсекали руку.

⁴ См.: Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. I. Начала реформирования судебной власти / отв. ред. Н.М. Золотухина. М., 2003. С. 106–115.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование / отв. ред. П.Н. Галанза. М., 1951. С. 85.

логе акта.

Сходство между ними заключалось в том, что и тот и другой спор представляли собой не что иное, как возражение относительно подлинности (достоверности) представленного в суд письменного доказательства.

Отличием, по мнению известного дореволюционного ученого-процессуалиста К. Анненкова, являлось то, что «в споре о подлоге сторона, предъявляющая его, прямо отрицала подлинность акта, а посредством заявления сомнения сторона выражала только свою неуверенность в том, что представленный против нее акт происходит именно от того лица, которому приписывается, или что содержание акта вполне соответствует воле и намерению этого лица»¹².

По мнению государственной канцелярии, сущность различия того и другого порядка состояла в распределении бремени доказывания подложности (подлинности) акта: в первом случае (т.е. при заявлении сомнения) обязанность доказывать достоверность акта возлагалась на того из тяжущихся, который основывал на предъявленном акте свои права, а во втором (т.е. в споре о подлоге) обязанность доказывать подложность акта лежала на тяжущемся, предъявляющем спор о подлоге¹³.

Необходимо также отметить, что согласно ст. 542, 543 Устава спор по сомнению в подлинности акта (письменного доказательства) мог быть заявлен только в отношении заподозренных письменных актов, совершенных домашним (непубличным) способом, и только в том случае, если на них отсутствовала подпись лица, заявляющего сомнение в подлинности. Спор о подлоге акта мог быть инициирован лицом, участвующим в деле, в отношении любого письменного доказательства, без каких-либо законодательных ограничений.

Что же касается порядка заявления и рассмотрения спора по сомнению в подлинности акта и спора о подлоге акта, то здесь мы также находим определенные различия. В частности, согласно нормам ст. 545, 546 Устава сомнение в подлинности акта должно было быть заявлено не позднее первого заседания суда по предъявлении акта. Против заявленного сомнения в подлинности акта, сторона предъявившая акт, обязана была дать отзыв в том же заседании, желает ли она им воспользоваться. Если сторона, представившая спорный акт, не давала отзыва или сама от-

казывалась от заподозренного акта, то он исключался из числа доказательств, и гражданский спор решался на основании других документов. В случаях, когда сторона выражала желание воспользоваться таким актом, суд проводил исследование его подлинности. Согласно ст. 547-553 Устава гражданского судопроизводства подлинность письменного акта могла быть исследована следующими способами: 1) освидетельствованием акта и поверкой его содержания с другими документами; 2) допросом свидетелей, которые значились на акте, или на которых была сделана ссылка той или другой стороной, в подтверждение или в опровержение подлинности акта; 3) сличением потчерка и подписи на заподозренном акте с потчерком и подписью того же лица на других несомненных актах. Для проведения исследования суд мог привлекать эксперта. Результатом исследования являлось *признание акта подлинным или исключение его из числа доказательств*.

Спор о подлоге акта согласно ст. 555, 556 Устава гражданского судопроизводства мог быть предъявлен во всяком положении дела. Желаящий заявить спор о подлоге акта должен был подать в суд особое о том заявление. По спору о подлоге акта, заявленному устно в заседании суда, составлялся особый протокол. Копия заявления (протокола) направлялась не поверенному, а самому тяжущемуся, за исключением тех случаев, когда поверенный имел доверенность на подачу ответа по спору о подлоге акта. Лицо, в адрес которого направлялись указанные документы, должно было в течение двух недель представить в суд отзыв о том, намерено ли оно воспользоваться спорным актом. В случае непредставления отзыва в срок либо при отказе от спорного акта документ устранялся из производства, и дело решалось на основании других доказательств. Если сторона была намерена воспользоваться актом, то лицу, заявившему спор о подлоге, в течение семи дней с момента получения копии отзыва необходимо было представить доказательства подложности документа. Предъявленные доказательства подлога сообщались тяжущемуся, сославшемуся на документ, для представления возражений в семидневный срок. После того, как суд получал возражения, а при необходимости после проведения предварительной проверки доказательства теми же способами, что и при заявлении спора о сомнении в подлинности акта, суд выносил определение об устранении спора о подлоге, либо о признании акта подложным и об исключении его из числа доказательств. Необоснованное заявление о подлоге, равно как и непредставление доказательств подложности акта, наказывалось штрафом.

¹² Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. О доказательствах. 2-е изд., испр. и доп. Спб., 1887. С. 412.

¹³ Там же. С. 412-413.

Еще одной особенностью порядка рассмотрения спора о подлоге акта являлось привлечение прокурора для дачи заключения по делу.

Несмотря на внешнюю стройность законодательной конструкции, деление споров, имеющих единую правовую природу и в одинаковой мере направленных на оспаривание достоверности письменного акта, на две различных категории представляется весьма спорным. Во-первых, в обоих видах спора для установления достоверности письменного акта могут быть применены одни и те же способы проверки, перечисленные в ст. 547 Устава. Во-вторых, результатом проверки заявления по сомнению в подлинности акта и заявления о подлоге является получение судом знания о таком свойстве письменного доказательства, как достоверность. В-третьих, если по результатам проверки достоверность акта не подтверждается, то такое доказательство вне зависимости от вида спора исключается из материалов дела, но в рамках спора по сомнению в подлинности акта суд прямо не заявляет о подложности доказательства, а в спорах о подлоге не только называет письменный акт подложным, но и передает материалы дела в правоохранительные органы для проведения проверки. Представляется, что такие внезапные различия в правовых последствиях установления факта подложности доказательства, как и само деление споров о подложности на два вида, могли быть обусловлены только желанием законодателя уменьшить нагрузку на суды, путем создания альтернативной упрощенной процедуры проверки достоверности письменного акта.

Совершенно иначе сформулировал нормы о подложности письменного доказательства ГПК РСФСР 1923 года, который предусматривал одну единственную форму проверки достоверности заподозренного документа — путем заявления о его подложности. Так, в случае заявления противной стороной, что представленный к делу документ является подложным, сторона, представившая документ, могла, отказавшись от пользования им как доказательством по делу, просить суд продолжить рассмотрение дела на основании иных доказательств. Если же по требованию стороны, представившей заподозренный документ, таковой оставался в деле в качестве доказательства, то сторона, заявившая о подложности документа, обязана была в установленный судом срок представить доказательства его подложности. Суд, в свою очередь, должен был произвести поверку подлинности документа одним из указанных в законе способом: 1) путем освидетельствования до-

кумента и сравнения его с другими документами; 2) путем допроса свидетелей, указанных в документе или на которых ссылаются стороны, а равно вызванных судом по своей инициативе; 3) путем сличения почерка и подписи на заподозренном документе с подписью того же лица на других бесспорных документах; 4) путем экспертизы¹⁴.

Если суд приходил к убеждению о подложности документа, он устранял его из числа доказательств и возбуждал дело в уголовном порядке (ст. 151 ГПК РСФСР 1923 г.). К сожалению, ГПК РСФСР 1923 г. оставил неразрешенными многие вопросы. Так, например, закон не устанавливал требований к форме и содержанию заявления о подложности документа, не указывал сроков для подачи такого заявления, не содержал мер по предупреждению необоснованного заявления спора о подлоге и пр.

В ГПК РСФСР 1964 г. все нормы, связанные с заявлением о подложности документа, были помещены законодателем в одну-единственную ст. 177 ГПК РСФСР, согласно которой в случае заявления о том, что имеющийся в деле документ является подложным, лицо, представившее этот документ, могло просить суд исключить его из числа доказательств и разрешить дело на основании иных доказательств. Для проверки заявления о подложности документа суд мог назначить экспертизу или истребовать иные доказательства. Если суд приходил к выводу о подложности документа, он устранял его из числа доказательств, а в необходимых случаях возбуждал уголовное дело либо направлял материалы в общественную организацию или в товарищеский суд по месту работы, учебы или жительства лица, представившего в суд подложный документ, для применения к этому лицу мер общественного воздействия.

¹⁴ Выделение экспертизы в самостоятельный способ исследования подлинности доказательства в контексте остальных указанных способов представляется не совсем уместным. Поскольку складывается впечатление, что эксперт при установлении подлинности доказательства привлекается только в рамках проведения экспертизы, остальные же способы исследования проводятся судом самостоятельно. Между тем сложно себе представить, что суд способен без привлечения эксперта произвести, к примеру, сличение почерка и подписи на заподозренном документе с подписью того же лица на других бесспорных документах. Поэтому с точки зрения юридической техники, правильнее этот вопрос был решен в Уставе гражданского судопроизводства, где экспертиза не выделялась в самостоятельный способ исследования подлинности доказательства, но сведущие люди могли быть привлечены для проведения исследований подлинности акта, указанных в законе, в том числе и для сличения почерка (подписи).

Несмотря на то, что закон прямо не говорил об обязательности проведения проверки заявления о подложности документа, комментаторы ГПК РСФСР 1964 г. единогласно приходят к выводу о том, что у суда существовала именно обязанность, а не право провести проверку указанными в законе способами за исключением случаев удовлетворения заявления стороны, представившей спорное доказательство, об его исключении из материалов дела¹⁵.

Правильным также следует признать наделение суда полномочиями возбуждать уголовное дело по факту представления в суд подложного документа. Однако указание на то, что суд возбуждает уголовное дело не в каждом, а только в «необходимых случаях», не определяя при этом перечень таких случаев, предполагало широкие границы судейского усмотрения, что, в свою очередь, могло приводить к безнаказанности лица, совершившего подлог. Что же касается требований к форме и содержанию заявления о подложности документа, то, как и в ГПК РСФСР 1923 г., они остались неурегулированными.

Указанным порядком рассматривались заявления о подложности доказательства в течение почти полувека, пока в 2002 г. не был принят ныне действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ, при создании которого законодатель, по-видимому, посчитал, что в современной России с её высокоразвитой и широко распространенной научно-технической базой нет проблемы подложности судебного доказательства. Иначе как можно объяснить содержание ст. 186 ГПК РФ, согласно которой:

«В случае заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства».

Анализ норм ст. 186 ГПК РФ с необходимостью приводит к выводу о ненадлежащем законодательном регулировании вопросов, связанных с подложностью доказательства. Проблема, интересовавшая законодателя с момента появления письменных доказательств и нашедшая детальное отражение во многих процессуальных законах, в действующем ГПК РФ осталась практически незамеченной.

В этом смысле АПК РФ, который не имеет такой многовековой истории развития, оказался гораздо прогрессивнее. Согласно ст. 161 АПК РФ, если лицо, участвующее в деле, обра-

тится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд:

- 1) разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления;
- 2) исключает оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу;
- 3) проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу.

В этом случае арбитражный суд принимает предусмотренные федеральным законом меры для проверки достоверности заявления о фальсификации доказательства, в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры.

Результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания.

Обобщая историю развития норм о подложности доказательства в российском законодательстве, следует отметить, что пик их детальной разработки пришелся на середину XIX в., в связи с принятием Устава гражданского судопроизводства 1864 г. Несмотря на то, что многие нормы Устава представляются спорными, нельзя отрицать тот факт, что законодатель действительно по-настоящему интересовался проблемами подложности письменных доказательств в гражданском судопроизводстве, многие из которых он попытался решить в законе. Что же касается современного периода, то, увы, законодательная разработка проблемы подложности доказательства (если не принимать во внимание нормы ст. 186 АПК РФ) находится на крайне низком уровне, а потому существует острая необходимость внесения соответствующих изменений в действующий процессуальный закон. Из истории законодательного регулирования вопросов, связанных с подложностью судебного доказательства, можно заимствовать немало норм, которые на современном этапе развития гражданского процессуального права позволили бы создать эффективный механизм по рассмотрению и разрешению споров о подлоге доказательства, выявлению фальсифицированных доказательств и привлечению виновных лиц к ответственности.

¹⁵ Гражданское процессуальное законодательство: комментарий / под ред. М.К. Юкова. М., 1991. С. 289.

Библиография:

1. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. О доказательствах. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 558 с.
2. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография. СПб.: ООО Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. 832 с.
3. Гражданское процессуальное законодательство: комментарий / под ред. М.К. Юкова. М., 1991. 720 с.
4. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. I. Начала реформирования судебной власти / отв. ред. Н.М. Золотухина. М.: Мысль, 2003. 701 с.
5. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование / И.Д. Мартысевич; отв. ред. П.Н. Галанза. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1951. 208 с.
6. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии: Рассуждение Семена Пахмана. М.: Унив. тип., 1851. 212 с.

References (transliteration):

1. Annenkov K. Opyt kommentariya k Ustavu grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. II. O dokazatel'stvakh. Izd. vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1887. 558 s.
2. Bonner A.T. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse. Monografiya. SPb.: OOO Universitetskiy izdatel'skiy konsortsiy «Yuridicheskaya kniga», 2009. 832 s.
3. Grazhdanskoe protsessual'noe zakonodatel'stvo: Kommentariy / pod red. M.K. Yukova. M., 1991. 720 s.
4. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G. Yu. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty: v 6 t. T. I. Nachala reformirovaniya sudebnoy vlasti/ Otv. red. N.M. Zolotukhina. M.: Mysl', 2003. 701 s.
5. Martysevich I.D. Pskovskaya sudnaya gramota: Istoriko-yuridicheskoe issledovanie / I.D. Martysevich; отв. red. P.N. Galanza. M.: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1951. 208 s.
6. O sudebnykh dokazatel'stvakh po drevnemu russkomu pravu, preimushchestvenno grazhdanskomu, v istoricheskom ikh razvitii: Rassuzhdenie Semena Pakhmana. M.: Univ. tip., 1851. 212 s.

Материал получен редакцией 12 декабря 2012 г.